

Человек высокого роста быстро шёл по дороге. Под подошвами его старых кроссовок, никак не меньше чем сорок шестого размера, хрустел гравий, сбитый на обочину потоком машин. Его голова была непокрыта, волосы соломенного цвета взъерошенно торчали во все стороны. В левой руке, которой он энергично размахивал на ходу, зажата фуражка, напоминающая ленинскую. Он подслеповато шурился, сморщив нос, всматриваясь вдаль блёкло-голубыми близорукими глазами.

Вся его фигура и лицо выражали явную обеспокоенность, он как будто ждал встречи с кем-то. Увидев меня или узнав по походке, он остановился, вытирая фуражкой пот со лба.

Я не спеша подошёл и поприветствовал:

— Добрый день, Михалыч. Куда так спешишь?

Мы с ним знаем друг друга последние лет сорок пять, если не больше.

Однако вместо традиционного приветствия, без которого не начинался ни один разговор, он вдруг спросил:

— Может быть, ты чего подскажешь? Слушай, к тебе как раз иду, сказали, что ты ещё не уехал.

В его голосе слышалась неподдельная тревога.

— Что случилось-то, Михалыч?

Его тревога вдруг передалась и мне.

— Шмон заболел,— упавшим голосом, в котором, как мне показалось, послышалось дрожание, произнёс он.

— Кто-кто? Я не понял.

Я никак не мог вспомнить, кто такой Шмон.

— Моя собака,— почти шёпотом произнёс он.

Для сельского мужика такая чувственность была очень необычной. В этом суровом сообществе любая сентиментальность расценивалась как слабинка и вызывала множество насмешек, даже могла стать поводом для создания параллельного имени, то есть прозвища. А это было хуже репья в волосы: пожизненное клеймо можно получить, в принципе, на раз. Был случай, когда в молодости пукнул

парень прилюдно, да так и остался Сёром до самой старости; другой вовсе полжизни прожил с прозвищем Рыло. Назревали все предпосылки из сокращённого, неполного, но уважительного «Михалыч» превратиться в Шмона.

Но в этот момент было в поведении Михалыча что-то почти детское, трогательное. Так страдают дети при потере котёнка, неподдельно, непосредственно, без оглядки, выдавая все свои эмоции об утрате своего любимца.

— Ну, ты, Михалыч, и перепугал меня. Всего-то собака!

К собакам принято было относиться как к собакам: «Была псина — и нету, другая будет. Делов-то — на рыблю ногу». Но здесь было всё не так, всё очень серьёзно!

Я вспомнил его собаку — как я понял сейчас, горячо любимую. Среди псового сословия такие собаки, как Шмон, слынут дворнягами, да к тому же ещё и мелкими, в силу своих действительно небольших размеров. Шмон был не крупнее кролика. Цвет его короткой жёсткой шерсти был рыжим или, скорее, лисьим, плавно переходящим к животу в белый, как зимний горноста́й, цвет. Его мордочка тоже больше напоминала лисью, чем собачью, — такая же узкая, удлинённая, с чёрным носом, поверхность которого была похожа на голенище кирзового сапога. Этот нос всегда был влажным и непрерывно что-то вынюхивал. Два треугольных уха торчали вертикально вверх над лобастой головой, как рожки у молодого козлёнка. Оба его уха при этом находились в постоянном движении, совершенно независимо друг от друга, как глаза у хамелеона.

Издалека Шмона можно принять за резвого лисёнка, если бы не хвост, туго закрученный бубликом. Шмон сопровождал своего хозяина везде, если на то было его позволение. То-то Михалыч шёл сегодня без эскорта, который всегда двигался впереди хозяина и поминутно оглядывался: на месте ли хозяин? — в чём ему нужно было непременно убедиться глазами, не полагаясь только на слух и нюх.

Из сбивчивого рассказа Михалыча я понял, что Шмон заболел неожиданно. Недели две тому назад утром лёг на половичок возле хозяйского продавленного дивана, прикрыл глаза, отказался от еды, перестал вилять хвостом, лаять, заглядывать в глаза хозяину. Вообще отказался реагировать на зов, лежал на боку, вытянув лапки, хвост, и

вздыхал. Иногда его тельце корчили судороги, дыхание становилось редким, сиплым, а изо рта текли слюни. Эти припадки повторялись пять-шесть раз на дню, истощая собачье тело и постепенно высасывая жизненные силы.

— Ты хоть пробовал его лечить?

Шмон был той живой душой, которая скрашивала одинокую жизнь хозяина. На своё холостяцкое состояние он давно махнул рукой, даже не пытался найти спутницу. Так уж сложилось. А менять уклад на шестом десятке жизни считал даже чем-то неприличным.

Собака однажды появилась в его пустой ограде и не ушла. Про таких говорят: прибилудилась. Сначала Михалыч её подкармливал и ждал, что объявится хозяин. Но хозяин собаки всё не приходил. Пёс оказался шустрым и понятливым, беспрекословно отзываясь на необходимые для совместной жизни команды: «Стой! Ко мне! За мной!» Михалыч быстро привык к этому существу и однажды в один из холодных дней впустил его в дом погреться. Собака по-хозяйски обследовала все углы и улеглась на половичок около дивана, на котором спал и сидел Михалыч. По выражению Михалыча, «навёл шмон и признал дом своим».

Всё это привело к тому, что его новоявленный друг приобрёл имя Шмон, на которое он сразу начал отзываться.

— Конечно, лечил. Сначала я его лечил клизмами с тёплой водой, чтобы промыть кишечник и вывести токсины. Вдруг он отравился? Дня четыре так лечил. Но что-то не помогло.

Михалыч на несколько секунд замирает и продолжает:

— Не так-то просто, между прочим, сделать клизму собаке. Шмон даже пытался укусить меня за руку.

Михалыч показывает следы от укусов в виде розовых точек и коротких ссадин на запястье правой руки.

Пёс не только пытался укусить Михалыча, но и явочным порядком покусал его. Но если не до крови, то, наверное, такие укусы у Михалыча идут только в зачёт попыток.

Укусы, конечно, слабые, наверное, сил не хватило несчастному Шмону прервать такое надругательство над его собачьим достоинством. Ведь ему приходилось терпеть наконецник резиновой груши под хвостом, после которой хозяин выносил его на улицу опорожнить кишечник. «Голова и так болит, а тут ещё хозяин лезет под хвост с этой штукой, после которой

болит живот, а всё содержимое срочно просится наружу! Даже вспоминать стыдно», — так, наверное, думал Шмон.

— Ну а дальше что было? — серьёзно спрашиваю Михалыча.

— Дальше? Поехал я к ветеринару. Тот сказал: «Наверное, чумка». Выписал уколы. Я купил лекарств аж на шестьсот рублей! Это вместе со шприцами, правда.

Для Михалыча потратить одномоментно такую сумму, да ещё на лечение собаки, равносильно подвигу расточительности и неслыханной, почти царской щедрости.

— Я проколол лекарства, весь курс, рекомендованный ветеринаром. Ты, наверное, его не знаешь, он не нашенский, приезжий, из молодых, юный коновал. Кстати, уколы Шмон перенёс гораздо легче и ни разу не укусил меня, даже и не пытался почти.

Михалыч снова замолкает, обдумывая пережитое. Чешет на лице многодневную рыжую щетину. Встряхивает головой и продолжает своё повествование:

— Вроде немного полегчало ему после этого, но потом всё началось снова.

Грустно смотрит на меня своими водянисто-голубыми глазами, обрамлёнными белёсыми густыми ресницами.

— А я чем могу помочь, Михалыч?

— Ну ты же доктор, да ещё и учёный! Посоветуй хоть что-нибудь!

В его голосе послышалось неподдельное отчаяние.

Я вспомнил, что иногда животным давали пить водку. Уж не знаю, какой механизм действия, но иногда помогало. Мой отец как-то уже лечил таким способом нашу дворовую собаку Кучумку. Вообще он считал водку универсальным лекарством: «Если простыл — водка с перцем, если понос — водка с солью». Рецепты, конечно, не бесспорные с точки зрения официальной медицины, но в индивидуальном порядке и в качестве самолечения широко применялись в узких кругах. Подозреваю, что, скорее всего, это было оправданием желания выпить, не подвергаясь укоризне со стороны своей второй половины.

«Уж если не суждено вылечиться Шмону, так хоть под кайфом сдохнет», — так цинично подумалось мне, и я сразу выдал рецепт Михалычу:

— Короче, Михалыч, нужно срочно отпаивать собаку водкой!

Михалыч впал в кратковременную задумчивость, даже рот открыл.

— А сколько ему наливать?

— Ну, вес его небольшой, наверное, грамм сто хватит,— наобум ответил я.

— А сколько раз?

— Пару раз, думаю, достаточно.

— А если самогонкой поить?

— Почему бы и нет?

Михалыч, не прощаясь, развернулся, водрузил фуражку на свою лохматую голову и зашагал походкой высокого длинноногого человека, быстро увеличивая расстояние между нами.

«Про закуску даже не спросил». Я посмотрел ему вслед и тоже продолжил своё движение, размышляя о странных привязанностях и почтительном отношении к ним.

Михалыч был человек слова. Он сразу начал «лечить» пса самогонкой. Тщательно отмерив сто грамм, спеленав Шмона его половичком, перевернув его на спину и, зажав нос, вливал в пасть собаки «огненную воду». Шмон отбивался как мог, но глотал самогон, чтобы не задохнуться, и даже не пытался укусить своего беспощадного хозяина.

Первые два дня экзекуция повторялась три раза в день.

Михалыч отметил, что припадки стали гораздо реже, Шмон крепко спал, повизгивая во сне.

Шмона после выпивки тошнило, и сильно хотелось пить. Пёс впервые испытывал похмелье и лакал предложенную воду в количествах, приличествующих такому большому мужчине, как Михалыч.

Михалыч же был откровенно рад некоторому оживлению Шмона и предлагал ему то колбаски, то супчика из консервов, которым он пробавлялся по старой холостяцкой привычке.

Шмона от еды, что называется, «с души воротило», и он категорически отказывался есть, что, конечно, не радовало Михалыча.

Всё, казалось, постепенно начало приходить в норму.

Михалыч при очередной встрече поблагодарил меня за помощь и пригласил отпраздновать выздоровление Шмона.

Но на другой день после нашей встречи Шмон исчез. То ли ему надоели клизмы, то ли похмелье замучило после регулярной насильственной выпивки, да и уколы в ляжку

не очень-то нравились, то липомирать ушёл. У собачьего сословия такое бывает.

Михалыч же совсем загрузил. Допил оставшийся в трёхлитровой банке самогон, поминая незабвенного друга. Переболев жестоким похмельем, выпив не меньше двух ведер чистой воды из уличной колонки, Михалыч вспомнил, как Шмон поглощал воду после возлияний. Погоревав так ещё пару дней, Михалыч благополучно вышел из запоя, смирился с потерей друга и решил продолжать жить.

Но вот однажды, спустя примерно неделю, ранним осенним утром, в ограде послышался знакомый собачий лай. Михалыч уже не спал и прислушался: «Может, уже галлюцинации?» Но нет, призывный лай повторился!

Ошалевший от счастья Михалыч выскочил из избы как есть, в трусах и в майке. На нижней ступеньке крыльца вдруг поскользнулся на куске грязи, пролетел метра три на животе в сторону собаки! Благодаря реакции Шмона, который резво отскочил в сторону, они не столкнулись, в результате он не был раздавлен.

Михалыч, не обращая внимания на то, что изрядно выпачкался в грязи, подхватил не менее радостно повизгивающего Шмона, исполнил совершенно дикий танец с прыжками и возгласами:

— Воскрес! Бродяга! Воскрес!

Соседка за невысоким забором из штакетника и остатков поленницы дров от неожиданности выронила ведро с ночными помоями детей, налила себе полные галоши его содержимого. Потом махнула рукой, покрутив указательным пальцем у виска, и, приговаривая:

— Вот придурок-то старый,— ушла мыть ноги из бочки с дождевой водой.

Михалыч же, не выпуская из рук Шмона, что-то приговаривая ему на ухо и счастливо улыбаясь, ушёл в избу.

Несмотря на все перенесённые страдания, Шмон выжил и подарил счастье своему хозяину.

Говорят, что собаки, в отличие от людей, знают особые травы, которые они находят в потаённых местах, съедают их и, если повезёт, выздоравливают.

Никто, ни один человек не может знать, где находится собачья аптека.